

С конца XVIII в. вопросами опекунов над осиротевшими детьми в городах России занимался Сиротский суд. Возглавлял его городской голова, основным «местом работы» которого была городская шестигласная дума. Решение об опеке над имуществом и содержанием детей суд принимал на основании обращения городского головы, или кого-либо из родственников умершего главы семьи, или других лиц. Как сказано в документе, «*апекунами к особе малолетняго городской Сиротский суд определяет також де из родственников или свойственников, или же из посторонних людей тех, кои добродетельными качествами, честностию и незасорным поведением более подают надежды к призрению малолетняго в здравии, добронравном воспитании и о достаточном содержании по его состоянию, и от которых отеческого попечения к малолетнему ожидать непременно можно*».

ние передать опеку над детьми и имуществом их дяде, Дмитрию Максимовичу Ахматову. Но после описи имущества оказалось, что «имение заключается в таких вещах, от которых никакой прибыли ожидать не можно», поэтому Максим Сидорович просил передать детей на его иждивение и попечение. Насколько можно судить, в семье Максима Сидоровича дети и росли, а заботу об их обеспечении и сборе долгов с должников их отца дед принял на себя.

Но были и более «закрученные» истории. В городе Троицке жила татарка Гюльзюма Альмухаметова, которая была замужем за бухарским купцом Назарбаем Ибрагимовым, торговавшим в Троицком меновом дворе. Он ездил с товарами по кочевьям казахов и во время одной из таких поездок в июне 1801 г. умер. После его смерти Гюльзюма написала доверенность на взыскание долгов по вексям и другим долговым распискам, остав-

ОПЕКУНСТВО

Сиротство – явление, существующее на протяжении всей истории человечества. В разных обществах, на разных ступенях развития действовали разные механизмы помощи сиротам. Самый простой и распространенный – детей брали к себе родственники по материнской или отцовской линии. По с определенного этапа эти отношения начинают контролировать и регулировать государство. Чаще всего это было связано с имущественными интересами детей, оставшихся без родителей (или же без отца).

Гаяз Самигулов

Благодаря материалам дел, сохранившихся в фонде Челябинского Сиротского суда, можно хоть немного прояснить, как соблюдались интересы детей в России XIX в., какой была процедура назначения опекунов и насколько надежно оно защищало интересы сирот. Дела вовсе не так «полны», как хотелось бы. О самих детях там зачастую лишь вскользь упоминается, и составить о них полное представление почти невозможно. Но уж что есть... В те времена, как и сейчас, ситуации складывались по-разному, и люди проявляли себя не всегда с лучшей стороны. Вот краткая история двух опекуновских дел — одно из них лаконично и коротко, другое, напротив, довольно непростое и с налетом восточной экзотики.

Одна из историй связана с опекуном над детьми мещанина Емельяна Ахматова. Емельян был сыном известного челябинского купца и мецената Максима Сидоровича Ахматова. После смерти Емельяна в 1827 г. осталось трое детей: сын Капитон 8 лет, дочери Анна 12 лет и Глафира 10 лет. Максим Сидорович просил передать детей под опеку, поскольку «в 1828 годе и мать их, малолетних, Палагея Андриянова дочь, вышла в замужество за другого и жизнь ведет распутную». Сиротский суд принял реше-

шимся после мужа, своему брату, Фаткулле. Тот обратился с прошением об учреждении опеки над имуществом и малолетними детьми своей сестры, а также о взыскании денег с должников Мунасиповых, чтобы те не смогли уехать в Бухару, не заплатив. Сиротский суд принял решение об учреждении опеки над детьми бухарского купца, поскольку они, как и их мать, родились в России и являлись российскими подданными. В Троицк был направлен экспедитор Сиротского суда Старцов. Опекунами были назначены сама Гюльзюма, купеческий сын Абдрашит Салимов и купец Тимофей Суслов. Детей у Гюльзюмы было трое: новорожденный сын Мухамметрахим, дочери Сахибамал трех лет и Асхабямал двух лет от роду. В последующих документах сын не упоминается, возможно, он умер в младенчестве, хотя сообщений об этом нет.

В сентябре 1802 г. Троицкая пограничная таможня сообщила Челябинскому городскому магистрату, что родным братом умершего бухарского купца Назарбая ходжи Ибрагимова Фазылом представлены в таможню «от бухарскаго владельца эмира Айдара и от казиев (чиновников-правоведов, или судей — Г.С.), на татарском диалекте два письма». Письма вместе с перевода-

Уфимская улица. Каланча пожарной части, помещавшаяся на крыше Городского общественного дома, разрушенного в декабре 1924 года

Из «Устава Челябинского городского детского приюта»:

ЦЕЛЬ ПРИЮТА

- § 1 Учрежденный в 1882 году Городской Общественный Приют имеет целью призрение детей бедных родителей и сирот обоего пола и всякаго звания без различия вероисповедания.
- § 2 Число детей (мальчиков и девочек) ограничивается пределами помещения, по решению Совета (имеется в виду Совет приюта — Г.С.).
- § 3 Возраст детей для приема в Приют определяется от 3 до 10 лет.
- § 4 Принятые в приют детям дается от него полное содержание, т.е. помещение, пища, одежда и надлежащий уход и обучение в приюте и в городских учебных заведениях грамоте, рукоделиям и ремеслам.
- § 5 При приюте для лечения заболевших питомцев и для постоянного наблюдения за санитарным и гигиеническим состоянием заведения должен быть постоянный врач.
- § 7 Принятые в приют дети оставляются в нем: девочки до 16–18 летняго, а мальчики до 12 летняго возраста...
- § 10 В распоряжении приюта находятся два городских дома (по Ивановской и Оренбургской улицам), принадлежащих городу, и неприкосновеннаго капитала 11325 руб. (к 1 января 2011 года).
- § 12 Текущая средства приюта составляют: а) проценты с неприкосновеннаго капитала; б) проценты с капиталов стипендиатских; в) плата за воспитанников; г) пожертвования как деньгами так и имуществом; д) доходы от сдачи в аренду приютскаго недвижимаго имения; е) процентные отчисления, по решению Городской Думы из прибыли Городского Общественнаго Банка; ж) сборы по подписным листам вместо визитов в праздники Пасхи и Рождества Христова; з) устраиваемые лотереи-аллегри; и) продажа рукоделий призреваемых.

Обложка брошюры «Устав Челябинского городского детского приюта», 1911

ми были присланы в магистрат. Оказалось, что приехавший Фазыл мулла Ибрагимов является... опекуном детей и имущества умершего старшего брата Назарбая. У Назарбая было еще две жены, в Бухаре, они обратились к бухарскому эмиру Хайдару с тем, что доверяют Фазылу оставшееся после мужа их имущество и долги, как в России, так в Бухаре и в казахских степях. И в грамоте, скрепленной печатью эмира Хайдара, говорилось: «Мы свидетельствуем и требуем, как в получении имения, так и в собрании одолжения, где оныя найдутся, то тех мест начальники должны давать ему, Фазылу Ибрагимову, вспомогательство». Кроме того, Фазылу была дана грамота, в которой сообщалось: «он, Фазыл Ибрагимов, после покойного брата своего, Назарбая Ибрагимова, оставшихся жен и детей питать желает». Далее также предлагалось оказывать Фазылу помощь в получении имущества и долгов. Под этим документом стояли печати казиев, очевидно, здесь имеется в виду высший суд Бухарского эмирата — в документе сказано: «полное государства нашего присуд(ствие)». «Присутствием» в России того времени называли учреждения, связанные с управлением, «присутственные места», или места, где сидят чиновники, — «присутствующие». То есть перевести таким выражением могли фразу, обозначающую один из высших государственных органов Бухарского эмирата.

Дальше следует совершенно «литературный» поворот сюжета. В 1803 г. Гюльзюма пишет отчет о состоянии имущества детей и в сопроводительном письме отмечает: «апекуны Салимов и Суслов определены к имению и малолетним детям бывшего мужа моего, а как я за брата его, Фазыла Ибрагимова, вышла в замужество, а имение по совершенной моей выправке у них было нераздельное, к которому и малолетним детям апекуны быть не нужны». Также Гюльзюма сообщила, что дочери, по малолетству, пока ничему не обучаются.

В 1806 г. Сиротский суд спохватывается, что на протяжении трех лет не получает отчетов о состоянии дел по опеке над детьми и имуществом Ибрагимова. Салимову и Суслову предписано было срочно сделать отчеты за 1804 и 1805 годы вместе с Гюльзюмой. Мать пыталась доказать, что дети уже не нуждаются в опеке, поскольку у нее уже есть муж, но... бесполезно. Сиротский суд словно не замечает ее доводов. И здесь все вполне объяснимо: дети являлись российскими подданными, а Фазыл Ибрагимов — «бухарец», то есть иностранец, а суд должен отстаивать интересы российских детей: «малолетних с имением в призрении новаго ее мужа оставить Сиротский суд не может потому более, что нынешний ее муж Фазылбай Ибрагимов из подданных бухарцев и в Троицке пребывание имеет временное. К тому же поведение и состояние его здешнему Сиротскому суду совсем неизвестны». Ирония заключается в том, что на обстоятельство рождения детей на российской земле упирали сама Гюльзюма с братом, когда просили дать распоряжение об опеке над детьми.

В ежегодных отчетах указывалось, во-первых, сколько денег получено (за счет торговли либо получения денег с должников первого мужа) и сколько и на что расходовалось: на покупку муки

(ржаной и пшеничной), мяса, тканей на платья, шубы, камзола, ткани на камзол с позументом (то есть расшитый), на починку сапог и т.д. Однажды Гюльзюма купила дочерям украшения: «серебряные вещи: серег две пары, нарушников (браслетов — Г.С.) две же пары и две чулпы, употребляемые в косы (украшения, которые «прикрывали» косы — Г.С.)». Двум другим опекунам было указано украшения описать, а деньги, оставшиеся после покупки всего необходимого, забрать у Гюльзюмы в совместное распоряжение, что и было выполнено. Это произошло уже в 1807 г.

Тогда же Фазыл Ибрагимов написал прошение с просьбой отменить опеку над детьми своего покойного брата Назарбая. Фазыл отмечал, что, женившись в 1802 г. на вдове брата Гюльзюме, он принял на себя попечение о дочерях брата. За это время у них родились сын и дочь, и обо всех детях он равно заботится. Опекуны же, Салимов и Суслов, по его словам, толком и не приступали к выполнению своих обязанностей. Интересно, что в прошении Фазыла четко читается и другой мотив, побуждавший его требовать отмены опеки. Очевидно, «российская» жена оказалась слишком самостоятельна и не спешила стать «тенью мужа». По словам Фазыла, «жена моя получила с казанских: 1-й гильдии купца Муртазы Мунасипова галанских (голландских — Г.С.) 10-ть червонцев каждой ценю по 5 рублей, выбоек (ткани с «выбитым» рисунком — Г.С.) куканских (кокандских) восемь концов каждой по 3 руб. 50 коп. ... с татарина Салиха ... одолжения 345 рублей, продала без воли моей и согласия четырех коров за 55 рублей, и всем оным воспользовалась она; измотала братнинова сосноваго лесу с прибором (заготовленного) на горницу...». В общем, Гюльзюма вела себя не совсем так, как полагается примерной женщине Востока. А наличие опеки давало ей официальное оправдание — с точки зрения закона она, как опекунша, должна была заниматься возвращением долгов покойного мужа, обеспечением дочерей и т.д. То есть она выполняла свои обязанности опекуна. А с точки зрения второго мужа — ущемляла его имущественные права и ставила под сомнение его положение хозяина в семье. Поэтому он был заинтересован в прекращении опеки.

В апреле 1809 г. Гюльзюма написала прошение, где объясняла: «...ныне находящимся при мне двум малолетним дочерям, Сахиямал и Асхабямал — ис коих уже первая пришла в лета таковыя, что по закону мухаметанскому вступить может в замужество, также достигает тех лет и другая...». В связи с этим она просила отменить опеку и указать опекунам Салимову и Суслову передать ей хранящиеся у них деньги и вещи, всего на сумму 90 рублей. Сиротский суд в этот раз признал доводы Гюльзюмы резонными и своим решением прекратил опеку. Вскоре Абдрашит Салимов и Тимофей Суслов вернули ей серебряные вещи, находившиеся у них на хранении, и официально передали ей же все имущество, которое было описано после смерти Назарбая Ибрагимова. Старшей дочери, Сахиямал, в то время было 12 лет. С точки зрения современного человека — ребенок, ни о каком замужестве в таком возрасте и речи быть не может. Но вспомним, что в русских крестьянских семьях до середины XIX в. дочерей замуж выдавали в возрасте 13-14 лет...

Грамота, данная Фазылу Ибрагимову, с печатями казиев Бухарского эмирата